

ЭТО БЫЛО, БЫЛО...

Минута молчания

Стоял февраль 42-го. Наша 46-я отдельная стрелковая бригада совершала в трудных условиях марш от станции Окуловка в направлении Старой Руссы. Дороги были проложены в глубоком снегу, морозы доходили до 30 градусов. Чтобы оставаться незамеченными, приходилось идти ночью. 18 февраля наша бригада сосредоточилась в лесу восточнее деревни Новое Свинухово. На следующий день по приказу командующего 1-й ударной армией В. И. Кузнецова наша бригада сменила сильно ослабленную в боях 84-ю бригаду на рубеже деревень Волышево и Ивановское.

Здесь мы вели ожесточенные бои, деревни по несколько раз переходили из рук в руки. 19 февраля к вечеру мы подошли к деревне Волышево. Бой был страшный, мы несли большие потери. Только с 19 по 23 февраля наша бригада потеряла 348 человек убитыми, 920 человек было раненых, 59 человек пропали без вести.

В начале марта бригада перешла в состав 11-й армии и сосредоточилась в двух километрах южнее Большой Козоны, а в ночь на 8 марта сменила части 180-й стрелковой дивизии у деревни Пенно. 21 марта враг начал здесь артподготовку по боевым нарядам 1-го и 3-го батальонов, а вскоре атаковал роты 1-го батальона, оттеснив их на полкилометра. В дальнейшем противник был остановлен и отступил на свой рубеж, потеряв при этом много живой силы.

Нас ожесточенно бомбила и обстреливала из пулеметов фашистская авиация, мы несли большие потери, был ранен командир батальона Н. А. Семенихин, но мы ни на шаг не отступили. После двух месяцев боев в ротах, батальонах численность личного состава уменьшилась почти в десять раз. В связи с этим смена постов в обороне не проводилась, не было возможности отдыхать, часовые находясь на посту, стояли по колено в холодной воде, сушить одежду, обувь было негде.

Наступил голод. Сначала нам давали в день по два сухаря и один котелок супа на двоих. Через несколько дней съели лошадей, а потом уже не было ничего. Солдаты, сержанты, командиры падали от бессилия. Фашисты, зная о нашем трудном положении, сбрасывали с самолетов листовки, в которых призывали нас сдаться в плен. Но их мечты не сбылись.

В один из дней фашисты поставили на бруствер окопа два термоса с жареным мясом и макаронами. Подул ветер, донося в нашу сторону запах еды. Закружилась у бойцов голова. Мы стали вспоминать свой дом, родных. Еще крепче сжимали в руках оружие.

Стрелять нам было запрещено, было очень мало патронов, снарядов, мин. Никто не поддавался на провокацию врага. Наш лейтенант Н. Торкин сказал тогда, что с такими можно победить любого врага и недалек час нашей победы.

В этот момент фашисты открыли огонь по нашей обороне из всех видов оружия. Лейтенант Н. Торкин был убит. После обстрела мы похоронили его со всеми почестями на окраине леса у деревни Большая Козона.

Прошел достаточно большой период времени, а продовольствие все не поступало. Солдаты, командиры лежали на земле и не могли двигаться, многие теряли сознание, но присягу Отечеству не нарушили.

Вскоре из штаба 46-й бригады к нам на помощь пришло пополнение, которое вынесло нас и разместило на повозках медсанвзвода. Когда нас везли в медсанбат в одной из деревень, мы почувствовали запах хлеба. Рядом лежавший со мной солдат спросил у женщины, управлявшей лошадьми, хоть кусочек хлеба. Она заплакала от жалости, приговаривая, что нам нельзя сейчас хлеба: можете умереть. Куриным бульоном, молоком надо отпаивать.

В медсанбате поставили нас на ноги быстро, мы почувствовали себя относительно здоровыми и просили, чтобы нас отправили в свою часть на передовую.

Вспоминается еще один эпизод из фронтовой жизни. В апреле 42-го вместе с бойцом Найдой я находился в боевом охранении у пулемета «Максим». Утром, на рассвете, я заметил, что кто-то ползет по болоту в нашу сторону, от фашистской обороны. Я разбудил Найду, и мы увидели, что к нам ползет мальчик лет 10-12. Увидев звездочки на наших шапках, он заплакал. Мы спросили, как он смог к нам пробраться, ведь кругом все заминировано. Мальчик ответил, что с минами

знаком, отец его научил их распознавать. Отец был партизаном, фашисты его схватили и повесили. Мать и сестер расстреляли, дом сожгли, а он чудом спасся. Помнится, что мальчика звали Колей. Так он и остался у нас, даже потом отличился, был награжден медалью и отправлен в г. Калинин в Суворовское училище.

Много разных воспоминаний сохранилось в моей памяти о тех днях под Старой Руссой. И то, как умельцы-артиллеристы придумали установить противотанковую пушку на тележную ось и сбили из нее вражеский самолет. Как метким выстрелом был сбит вражеский корректировщик, притаившийся в кирпичной трубе льнозавода, и многое другое. А главное, мы сдержали свое слово, данное лейтенанту Н. Торкину, не выпустили из кольца фашистов.

Спустя 46 лет в г. Старая Русса состоялась встреча однополчан 46-й бригады. Старорусский исполком наградил ветеранов юбилейными медалями за освобождение города. Ветераны бригады с представителями общественных организаций посетили братские могилы воинов, возложили венки и почтили память погибших минутой молчания. Спите спокойно, отважные сыны Отечества!

В. МУХАНОВ,

ветеран 46-й отдельной стрелковой бригады.

На снимке: В. З. Муханов (третий справа).

Муханов, В. Это было, было... : [воспоминания участника Великой Отечественной войны В. З. Муханова (г. Краснотурьинск) о боях под Старой Руссой в 1942 году] / В. Муханов // Заря Урала. – 1992. – 1 февр. (№ 13). – С. 3 : фот.